

Гарри мчался на своем недавно приобретенном "Нимбусе-2001", зигзагами проносясь между деревьями в фруктовом саду рядом с домом Уизли, и ветер хлестал его по лицу. Ему нравилось это чувство - ощущение, когда все земные эмоции остаются позади и он просто живет моментом.

Но в последнее время его мучили самые разные эмоции - эмоции, которые он ощущал даже здесь, в том месте, которое должно было стать его спасением и безопасным раем. Самым заметным среди этих эмоций было, как ни странно, счастье. Не то счастье, которое приносят мир и довольство, а та неистовая радость, которую приносят ночи разврата и насилия.

И это его беспокоило. Джинни была права - он изменился после войны. Рон тоже затронул эту тему, и он знал, что если Рон заметил, значит, это было правдой больше, чем даже он сам. Рон все время отмахивался от вопроса, но знал, что вопрос вполне правомерен. И самое ужасное, что он знал ответ. Он знал, почему он изменился.

Ответ заключался в куске дерева, пристегнутом к кобуре на правой руке. Бузинный жезл.

Он вздохнул, поднимаясь в воздух, все выше и выше на своей метле. То, что он сделал после Битвы, было красиво, благородно и поэтично - он отказался от страшной силы Бузинной палочки ради жизни в якобы мире и счастье. Это был искренний жест, достойный Гарри Поттера, Мальчика-Который-Выжил, Истребителя Волдеморта и Золотого мальчика Гриффиндора. Прямо как в сказках.

Ирония судьбы заключалась в том, что на следующий день после битвы за Хогвартс, когда волшебники и колдомедики толпились у палаток, разбитых в руинах Хогвартса, чтобы оказать помощь раненым студентам и взрослым, Гарри заметил Ксенофилиуса Лавгуда, который, как никто другой, бродил вокруг мраморной гробницы Дамблдора и пытался открыть крышку могилы.

Ксено Лавгуд! А ведь он должен был быть одним из хороших людей!

Оглядываясь назад, можно сказать, что Гарри многое разболтал в своей последней речи перед Волдемортом, да ещё и на глазах у множества зрителей, среди которых не было Пожирателей смерти. Малфои практически исчезли после битвы, как и Нотты. И, конечно, несколько жителей Хогсмида тоже слышали его небольшую речь - слухи ходят, а Бузинная палочка пользовалась известностью даже за пределами Англии.

Конечно, нужно быть хитрым волшебником, чтобы собрать воедино сказанное Гарри и догадаться, что Бузинная палочка похоронена в гробнице Дамблдора, но Лавгуд догадалась об этом, и другие тоже. Поэтому через две недели после битвы Гарри пробрался в гробницу и после долгих угрызений совести достал палочку.

Он пообещал, что не будет ею пользоваться - просто узнает достаточно, чтобы сохранить её навсегда и позволить ей умереть вместе с ним. Но он забыл, насколько сильными могут быть соблазнительные магические предметы. У него уже давно сложилась гипотеза: Дары не просто притягивали людей определенного склада ума, как говорилось в рассказах; Дары действительно меняли сознание. Он полагал, что именно это и сделал Плащ - тонко повлиял на

него, заставив стремиться к заурядной жизни, оставаться незамеченным и держать свои способности в тайне, чтобы жить долго и процветать. Конечно, Плащ не сделал его кротким и покорным - он все еще давал ему достаточно сил, чтобы заставить себя добиваться всего, чего только можно, чтобы спасти свою жизнь (и, возможно, жизнь своих друзей). Ведь Плащ должен был помочь людям избежать смерти.

Однако с Жезлом все было иначе. Она была совсем не тонкой - это был мощный предмет, но тупой, как бык в посудной лавке, вбивающий в его разум ярость и жестокость... и, как он полагал, похоть. Джинни то и дело говорила ему, что его способности в постели не могут быть человеческими. Гарри нравилось думать, что это всё он (и, возможно, так оно и было), но его выносливость действительно казалась нечеловеческой... не то чтобы он (или Джинни) жаловался. Да и палочка подействовала на его тело весьма ощутимо - он был шире Фреда и Джорджа, а его мышцы выросли на дюйм в обхвате. Конечно, он ходил в спортзал в Лондоне, чтобы отработать чувство неудовлетворенности (не говоря уже о разрядке, которую давала сексуальная гимнастика, которую он практиковал на Джинни по ночам), но он знал, что это увеличение мышечной массы произошло не только благодаря регулярным физическим упражнениям и приученным Дурслями к здоровому питанию привычкам.

Но он не жаловался на все это - он не был склонен жаловаться - до сегодняшнего дня. Он понял, что только что занимался сексом с мамой своей девушки, - это осознание пришло в голову, когда он проснулся на рассвете в комнате Рона; он вернулся в комнату Рона после часового сеанса с Джинни, в результате которого рыжая девушка устала, но осталась довольна. И дело было в том, что он не чувствовал себя виноватым. Совсем. И это его беспокоило. Более того, он наслаждался чувством покорения, словно погружаясь в море непрекращающегося насилия и грубого секса.

И что самое тревожное - внезапное осознание того, что он действительно хочет такой жизни, в глубине души говорило о том, что, если на его долю выпадет еще одна битва, он будет наслаждаться и этим, купаясь в жестокости. Но почему-то он все время откладывал попытку найти способ спрятать Бужинную палочку подальше от себя.

Он посмотрел на свою девушку с метлы, которая беседовала со своим братом на земле, и вздохнул. Он действительно любил ее, но ему также нравилось избивать ее мать, и он знал, что можно сделать, чтобы остановить это (выбросить Бужинную палочку), но он не хотел этого делать. Он не хотел, чтобы статус-кво изменился. И это должно было его беспокоить, но не беспокоило.

Рон ходил по норе в оцепенении. Он знал, что Гарри не пришёл в комнату прошлой ночью. И ему казалось, что он знает почему - но Джинни опровергла его догадки. Гарри спал не с Джинни, как думал Рон, а с Молли Уизли. Его мамой.

Рон сжал ладонь в кулак и постучал по стене отцовского гаража, на которую опирался. Рон знал, что у его отца есть своеобразный фетиш, но раньше не задумывался об этом. А теперь, когда он задумался об этом, мысль о том, что его мать с незнакомцем, была бесконечно лучше, чем мысль о том, что его мать с его лучшим другом...

Рон сделал паузу в потоке своих мыслей. По крайней мере, именно так он должен был думать. Так он должен был думать. Но думал ли он так на самом деле?

Рон невольно вспомнил об общих душевых в раздевалках квиддича. В отличие от общежитий,

где душевые были занавешены, в раздевалках были практически открытые душевые с непрозрачными стеклянными барьерами, разделяющими их с двух сторон, и стеной с третьей. Но вход в каждую кабинку всегда был свободен от занавесок. И Рон не испытывал по этому поводу никаких сомнений.

Однако он видел... вещи Гарри... в душевых. Рон знал, что Оливер Вуд постоянно высмеивал Гарри за это, да и его собственные братья тоже частенько присоединялись ("Н. ДЖ. П.? Ты думаешь, это означает Гарри Джеймс Поттер? Ха! Скорее, "Святой Джамбо Пенис", - с досадой подумал Рон). Но Рон знал, что их всех это тоже пугало - Дин как-то пошутил с Роном, что бедняга Майкл попал к Чо только после Гарри - Дин сказал, что сам бы никогда не прикоснулся к женщине, которая была рядом с этим.

<http://erolate.com/book/4320/155249>